

УДК 94(476-15)+94(438)

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
ПОЛЬСКИХ ВЛАСТЕЙ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

*канд. ист. наук, доц. В.И. КРИВУТЬ
(Барановичский государственный университет)*

Впервые в современной белорусской историографии освещаются основные направления молодежной политики польских властей в межвоенный период. Раскрываются цели, содержание и ход официальных мероприятий в сфере военной подготовки, гражданского воспитания и внешкольного профессионального обучения молодого поколения межвоенного польского государства. Также рассматривается работа польских властей в области борьбы с безработицей среди молодежи. Анализируется законодательная база официальной молодежной политики, а также место и роль в ее реализации разного рода государственных и общественных структур – вооруженных сил, школы, местного самоуправления, молодежных союзов и объединений.

Введение. Проблема государственной молодежной политики всегда будет сохранять свою актуальность. Именно поэтому существует необходимость изучения опыта прошлого в данной области. В полной мере это относится и к той политике, которую проводили польские власти в молодежной среде Западной Беларуси в межвоенный период. К сожалению, данная проблематика не нашла должного отражения в отечественной историографии. Некоторые аспекты молодежной политики польских властей рассматривались лишь в контексте противодействия ей со стороны коммунистического и национально-освободительного движения Западной Беларуси. Более подробно деятельность правящих кругов II Речи Посполитой в молодежной среде рассматривается в польской историографии. Однако и там рассматриваются лишь отдельные направления этой работы, и не раскрывается ее специфика на территории западнобелорусских земель, входивших в состав довоенного польского государства. Представляемая нами работа должна компенсировать эти недостатки, что позволит дать более объективную картину общественно-политической жизни западнобелорусского региона в межвоенный период.

Основная часть. Молодежь, которая составляла значительную часть населения II Речи Посполитой, не могла оставаться вне зоны внимания правящих кругов государства. Особенно это внимание усилилось после государственного переворота в мае 1926 года, когда установился режим так называемой «санации». Поставив перед собой задачу оздоровления всех сфер жизни общества, идеологи «санации» должны были учитывать и сферу воспитания молодого поколения, разрабатывать и осуществлять целенаправленную молодежную политику. Сам термин «молодежная политика» не использовался, но из этого не следовало, что не существовало явления, которое он определял. На протяжении всего своего существования «санационный» режим уделял весьма серьезное внимание работе с молодежью и проблемам ее воспитания. Об этом свидетельствовало, например, заявление вице-маршала сейма В. Маковского в 1934 году, когда он в своей речи специально подчеркнул, что воспитание гражданина является целью государства и его обязанностью [1, с. 210].

Согласно концепции «государственного воспитания», которой руководствовались польские власти в своей работе с молодежью, необходимо было направлять усилия на формирование гражданина-государственника, бойца и работника в одном лице. В связи с этим правящий режим делал упор на реализацию ряда конкретных направлений своей молодежной политики.

Одним из главных направлений стала военная подготовка молодого поколения. Следует сразу подчеркнуть, что данное направление занимало значительное место в молодежной политике правящих кругов всех государств межвоенной Европы. Дело в том, что опыт первой мировой войны показал: война перестала быть делом узких кругов военной элиты и армии. Так, Р. Старжиньский, майор польского Генерального штаба, заявлял на страницах журнала «Белонна», официального органа Военного научно-исследовательского института: «Только мировая война... показала, что даже лучшая кадровая система, которая опирается на всеобщую военную обязанность, и самая мощная вооруженная сила не в состоянии исполнять все задачи, которые ставит на порядок дня современная война. Выяснилось, что вести войну должны не только вооруженные силы отдельных государств, но и все общество, вся нация» [2, с. 43]. Еще один польский военный теоретик, А. Водзиньский, добавлял: «Победно из тотальной войны выйдет не та нация, которая имеет сильные армии на фронтах и только на них возлагает надежды, а нация, которая владеет внутренней зрелостью, духовной силой и, что самое главное, каждый член которой владеет военной подготовкой» [3, с. 14]. Таким образом, к будущей войне должно быть подготовлено все общество, вся нация. Именно эта идея и стала основой концепции «нации под ружьем», которая широко реализовывалась в странах Европы в межвоенный период для военной подготовки населения.

Помимо опыта Первой мировой войны, военные круги II Речи Посполитой при подготовке к возможному вооруженному конфликту учитывали геополитическое и финансовое положение своей страны. Тот же майор Р. Старжиньский отмечал: «Имея на западе Германию с 60-миллионным населением, на востоке Россию с ее 120 миллионами жителей, мы будем иметь дело с многомиллионными армиями, которым будем не в состоянии противопоставить равную по силе регулярную армию... Поскольку бюджетные возможности никогда не позволят содержать сильную регулярную армию, мы должны искать другие пути» [2, с. 59].

Непосредственная реализация программ военной подготовки населения, в первую очередь молодежи, в довоенной Европе проводилась согласно двум моделям. Суть первой была в том, что армия почти целиком брала на себя задачу подготовки общества к войне. В чистом виде эта система централизованной всеобщей допризывной подготовки была реализована в тоталитарных государствах – в нацистской Германии и Советском Союзе. Для второй модели была характерна децентрализация обучения. Согласно с ней, в руках военных оставались только общее руководство и контроль, а непосредственная реализация программ поручалась общественным, в первую очередь молодежным, организациям и школе. Обучение строилось на принципе добровольности. Занятия проводились как военными, так и гражданскими специалистами [3, с. 21 – 22].

Польша ориентировалась на вторую модель и начала осуществлять ее еще с первой половины 1920-х годов. Военная подготовка (ВП) должна была охватить «всю военно-подготовительную работу за пределами постоянной армии, дифференцируя ее в зависимости от возраста и пола, от стратегического положения края и, наконец, от этнографического состава и государственного чувства граждан» [3, с. 26]. Программа ВП должна была охватить три направления деятельности: гражданское воспитание, физическую подготовку и военное обучение.

Военную подготовку во II Речи Посполитой проводили общественные организации и школа. Что касается первых, то 8 июня 1921 года военное министерство издало специальную «Временную инструкцию по вопросу отношения военных властей к военно-воспитательным организациям». Согласно этой инструкции право проводить ВП получили Стрелецкий союз «Стрелец», Союз польского харцерства, «Сокол», Союз повстанцев и воинов, Союз повстанцев Верхней Силезии, Объединение польской молодежи, Союз сельской молодежи, союз осадников, Добровольная пожарная стража [4, с. 25].

Первоначально общественные организации привлекли к ВП небольшую часть молодого поколения. Поэтому в декабре 1922 года было издано совместное распоряжение министра религиозных вероисповеданий и общественного просвещения и министра военных дел об организации ВП в средних и профессиональных школах. Для подготовки школьной молодежи к военной службе вводились добровольные занятия по ВП. Их задачей было «формирование у молодежи умений и черт, которые развивают силу и характер будущего гражданина Отечества, позволяют ему исполнить военную обязанность в короткий срок и получить воинское звание за более короткое время» [5, с. 2].

Для этого в школах создавались школьные отряды (гужцы) ВП. В отряд мог вступить каждый школьник, достигший 16 лет и имевший соответствующее медицинское разрешение. Занятиями руководил инструктор. Это мог быть офицер действительной службы, офицер-резервист или гражданский человек, учитель данной школы. Руководитель отряда должен был вести свою работу на основе программ, совместно разработанных министерствами просвещения и военных дел. Руководитель отряда подчинялся школьным властям и входил в состав педсовета школы [5, с. 3].

Программа распадалась на два курса (ступени). Первая ступень соответствовала программам обучения рядового пехоты, вторая – программе обучения подофицера пехоты. В технических и профессиональных учебных учреждениях дополнительно создавался курс обучения рядовых специальных войск. Курсы ВП также предусматривали занятия в летних лагерях.

Школьная ВП предусматривала проведение еженедельно 3 – 4 занятий в школьном помещении, 1 полевое занятие, 1 лекцию по отдельным военным предметам. Согласно распоряжению военные знания также включались и в программу таких дисциплин, как физика, химия, история, география. Например, на уроках истории сообщались «некоторые сведения из истории войн и вооруженных сил с упором на их воспитательную сторону с подчеркиванием момента жертвенности и героизма» [5, с. 3]. Ученики, которые посетили 2/3 всех занятий, допускались к экзамену. Экзаменационная комиссия должна была состоять из представителей школьных и военных властей. В случае успешной сдачи экзамена ученики получали соответствующую ступень ВП [5, с. 4].

Школьные отряды ВП появились и начали свою работу в 1923/1924 учебном году. Первоначально армейские круги были в основном недовольны развитием ВП молодежи. В первую очередь недовольство было вызвано организационным хаосом и «политизацией» в общественных организациях ВП. Подполковник В. Килинский характеризовал ситуацию накануне 1926 года следующим образом: «Для военной подготовки организуется кто захочет и как захочет, а отдельные партии создают какие-то собственные об-

мундированные народные ополчения. Организации, которые будто бы служат одной идее, вступают во взаимную борьбу, и в этой борьбе исчезает сам смысл военной подготовки и ядро спорта. Для контрабанды политических потребностей в акцию физического воспитания и военной подготовки вплетается третий мотив, мотив так называемой просветительской работы, точнее – политический мотив. В результате можно было бы увеличивать существующие объединения бесконечно. Это разнообразные союзы бывших участников борьбы за независимость, союзы молодежи сельской, католической, бывших военных, молодых пионеров, спортивные союзы, женские организации, рабочие и так далее. Хаос невероятный» [6, с. 118].

В первой половине 1920-х годов акция ВП не смогла достичь значительных успехов и приобрести массовый характер. Представитель польского Генерального штаба полковник Ф. Влад признавал, что ВП в 1925 году охватывала только 7 % призывников без учета школьников. При этом только 9 % членов организаций ВП были жителями восточных воеводств II Речи Посполитой [3, с. 42].

Ситуация в сфере ВП начала меняться после майского переворота 1926 года: вооруженные силы получили большие, чем ранее, возможности влияния на все стороны жизни общества, в том числе и на молодежную политику, частью которой являлась акция ВП. Военные круги брали в свои руки руководство всеми вопросами, связанными с подготовкой общества на случай войны, что давало надежду на эффективную организацию этой деятельности.

Отказа от концепции «нации под ружьем» не произошло. Большую роль тут сыграла личная позиция Ю. Пилсудского. Как отмечают польские исследователи, с самого начала нахождения у власти он понимал необходимость соответствующего физического воспитания и военной подготовки молодежи, солдат действительной службы и резервистов. Так, 15 декабря 1926 года в выступлении на заседании бюджетной комиссии сейма маршал подчеркнул желательность развития работы ВП. По его мнению, главную роль тут должны были играть школа, армия и институты, которые находились под контролем государства. Вспомогательные функции отводились местному самоуправлению, общественным и спортивным организациям. Особое внимание Ю. Пилсудский уделял принципу добровольности при проведении акции ВП [7, с. 108]. В январе 1927 года по инициативе Ю. Пилсудского было создано Государственное управление физического воспитания и военной подготовки. Это стало основой для создания нового руководящего и пропагандистского аппарата акции ВП [8, с. 6]. Одновременно предусматривалось создание воеводских комитетов физического воспитания и военной подготовки, задачей которых была координация и поддержка деятельности госаппарата, органов самоуправления и общественных организаций в данных сферах. В состав воеводских комитетов должны были входить воевода, командующий военным округом и куратор школьного округа (или их представители). Еще четырех членов воеводского комитета назначал военный министр. При необходимости создавались городские и поветовые комитеты, которые подчинялись воеводскому комитету [9, с. 82 – 84].

К сфере деятельности Государственного управления физического воспитания и военной подготовки относилось: составление директив по проведению акции физического воспитания и военной подготовки, представление заинтересованным министрам предложений по данным вопросам, осуществление надзора над институтами и организациями ВП, представление предложений по государственному бюджету в области физического воспитания и военной подготовки, экспертиза решений министерства религиозных вероисповеданий и общественного просвещения в данной сфере, составление директив для воеводских комитетов, издание периодики и книг [10, с. 164 – 166].

Одновременно в военных округах создавались окружные управления физического воспитания и военной подготовки. Ниже, на уровне полка, стояли обводовые комендатуры и, наконец, поветовые комендатуры. Именно коменданты последних отвечали за проведение занятий в школьных отрядах ВП и взаимодействие с общественными организациями [3, с. 75]. До конца 1927 года были организованы воеводские комитеты, а до конца 1928 года – координирующие структуры на нижнем уровне. Это содействовало активизации военного обучения молодежи как в общественных организациях, так и в школе.

С 1931 года занятия в школьных отрядах ВП стали обязательными для всех юношей тех школ, где существовали такие отряды. Комендантом школьного отряда должен был быть офицер, поветовый комендант ВП. Занятия проводили офицеры и подофицеры действительной службы. Педагогическое руководство отрядом поручалось одному из школьных учителей, который должен был быть офицером резерва. Разработка программы обучения возлагалась на Государственное управление. Школьная дирекция и учителя должны были взять под опеку работу и потребности отряда, пропагандировать идеи ВП среди родителей, при помощи родителей организовывать материальную поддержку отряда ВП [11, с. 86 – 91].

В 1931 году была проведена и регламентация в сфере общественных организаций, которые имели право заниматься ВП. Такими организациями признавались Стрелецкий союз «Стрелец», Союз польского харцерства и Союз сельской молодежи. Другие организации также могли заниматься военным обучением, но их деятельность не координировалась и не финансировалась через Государственное управление [3, с. 87]. Это было как для достижения «аполитичности» ВП, так и для увеличения эффективности руководства ее деятельностью.

На рубеже 1920 – 1930-х годов произошли определенные сдвиги в массовости ВП. Так, согласно данным польских исследователей, если в 1929 году военную подготовку прошли 57,7 % призывников и резервистов, то в 1930 году это число составило 71,5 %. На территории Западной Беларуси этот процент был даже выше. В военном округе № 3 «Гродно» ВП прошли соответственно 64,8 % (1929 г.) и 82,2 % (1930 г.), а в округе № 9 «Брест» – 55,5 % (1929 г.) и 79,3 % (1930 г.) [3, с. 96].

Большое влияние на развитие и массовость ВП оказывала система льгот. Окончательно она оформилась в 1930-х годах. Согласно распоряжению министра военных дел от 29 июня 1935 года призывник, который имел свидетельство об окончании второй ступени ВП, пользовался рядом льгот при прохождении обязательной службы: право на увольнение во время трех первых месяцев службы, право на первоочередное направление в подофицерскую школу, ускоренное представление к званию капрала, право на отпуск на втором году службы. Также на 4 – 6 недель сокращался и сам срок обязательной службы [12, с. 912 – 914]. Кроме льгот, большой упор делался на моральный фактор. В связи с этим вместе с непосредственно военным обучением велась большая работа по гражданскому и патриотическому воспитанию. Правящие круги II Речи Посполитой считали, что моральная подготовка является необходимым элементом подготовки общества к войне [8, с. 6].

Во второй половине 1930-х годов в связи с формированием «милитаристского состояния сознания» прошла очередная реорганизация ВП в школе. В 1937 году было решено, что подготовка школьной молодежи к обороне страны будет осуществляться только в школе и исключительно через школу. Сама ВП делилась на общую подготовку к обороне страны и непосредственно военное обучение (для девушек – подготовку к вспомогательной военной службе). Общая подготовка к обороне страны реализовывалась на протяжении всей воспитательной и дидактической работы школы. Военная подготовка превращалась в обязательный школьный предмет для всех учеников, начиная с 15 лет. Функции комендантов школьных отрядов ВП теперь исполняли исключительно учителя, а не офицеры, как ранее [13, с. 439 – 440]. По мнению польских исследователей, это было вызвано тем, что в связи с перевооружением польской армии увеличилась потребность в профессиональных офицерских кадрах. Поэтому военное руководство предпочитало использовать профессиональных военных в линейных частях [3, с. 117].

В конце 1930-х годов кампания по подготовке молодого поколения к обороне страны затронула и высшую школу. По распоряжению Совета министров 27 октября 1937 года была создана Академическая легия [14, с. 722]. Ее целью помимо непосредственного обучения студентов стали воспитание и пропаганда «благородного польского милитаризма» [8, с. 16].

Подобная пропаганда получила широкое распространение и стала частью молодежной политики правящих кругов. «Санация» считала, что необходимо воспитывать общество в духе оборонительного милитаризма. Планировалось охватить этой пропагандой около 85 % граждан II Речи Посполитой, в первую очередь молодое поколение в возрасте от 10 лет до 21 года. В связи с этим при проведении акции ВП приоритет стал отдаваться гражданскому воспитанию. В официальных директивах на 1936/1937 учебный год отмечалось: «Независимо от военных задач в качестве наиболее актуальной задачи выдвигается вопрос гражданского воспитания и пропаганды лозунгов национальной обороны как подготовки молодежи к исполнению задач по защите страны» [8, с. 11].

Инициатором пропагандистской акции была армия. В мае 1936 года на базе Военного научно-просветительского института был создан Центральный координационный комитет (ЦКК). Позже возникли Координационные комитеты (КК) при военных округах (в Бресте – в январе 1937 года, в Гродно – в ноябре 1937 года). Целью КК было увеличение успешности усилий общества в деле военной подготовки государства, в том числе и в пропагандистской сфере [8, с. 14].

В состав ЦКК вошли представители Военного научно-просветительского института, Государственного управления физического воспитания и военной подготовки, а также делегаты ряда общественных организаций, в том числе Стрелецкого союза «Стрелец» и Союза польского харцерства. В дальнейшем с КК сотрудничали такие организации, как Союз молодой деревни и Союз осадников. Основным объектом деятельности КК должны были стать организации ВП, которые подчинялись Государственному управлению физического воспитания и военной подготовки.

На заседаниях ЦКК занимались в первую очередь вопросами гражданского воспитания и государственной пропаганды. В конце ноября 1936 года в рамках комитета появилась Секция гражданского воспитания. Именно она занималась разработкой программ гражданского воспитания и культурно-просветительской деятельности для общественных организаций [3, с. 126 – 127]. Специально для активизации работы в молодежной среде в структуре КК существовали молодежные комиссии [8, с. 16].

Важным направлением работы КК стала организация борьбы против коммунистического движения и пацифистских тенденций. Считалось, что они ведут к дезинтеграции и духовному разоружению общества [3, с. 128]. В одном из документов ЦКК отмечалось, что в аспекте координации гражданской работы в пользу обороны на востоке первоочередную опасность представляет коммунизм,

который «стремится ворваться в нашу жизнь под разными обличьями». С ним «необходимо бороться всеми средствами, так как он не имеет у нас никакой другой цели, кроме как подрыва государства и нового подчинения России». Также в сферу деятельности КК входило поддержание польского влияния, которое необходимо было согласовывать с улучшением отношения к национальным меньшинствам, чтобы не отвернуть их от польского государства [8, с. 16].

Однако результаты деятельности КК в молодежной среде были довольно скромными. Так, в конце 1938 года военное министерство было недовольно тем, что в армию попадает много молодежи, которая находится под чужим идейным и моральным влиянием. Это было вызвано, по мнению военных, недостатком финансовых средств и инструкторских кадров. Также повлияли и противоречия в самом «санационном» лагере, внутри которого после смерти Ю. Пилсудского в 1935 году развернулась борьба между несколькими группировками [8, с. 17].

Еще одной важной частью официальной молодежной политики была подготовка молодого поколения к трудовой деятельности. Тут главным ее направлением стала сельскохозяйственная подготовка (СП), которая являлась массовой формой земледельческого просвещения внешкольной молодежи. Особую важность этому направлению придавало то, что абсолютное большинство молодежи II Речи Посполитой жили в сельской местности.

Было известно, что сельскохозяйственное производство межвоенного польского государства находилось на низком уровне, было отсталым в техническом и организационном плане. Одной из причин этого, по мнению властей, было слабое распространение агротехнических знаний. Попытки найти выход из данной ситуации предпринимались правящими кругами польского государства с первых лет его существования. Так, еще в июле 1920 года по инициативе крестьянских партий был принят Закон «О народных сельскохозяйственных школах», согласно которому эти школы должны были вести подготовку «профессионально самостоятельных сельских хозяев и понимающих свои обязанности граждан страны» [15, с. 237].

Закон предусматривал участие в проведении сельскохозяйственного обучения как государства, так и общества. В связи с этим школы делились на публичные и частные. Публичные народные сельскохозяйственные школы содержались государством или поветовым самоуправлением. Частные школы создавались общественными организациями или частными лицами. Надзор над всеми типами народных сельскохозяйственных школ осуществляло министерство сельского хозяйства [15, с. 237].

Планировалось, что в каждом повете будут как минимум две публичные сельскохозяйственные школы – мужская и женская. В соответствии с законом курс обучения должен был продолжаться не менее 11 месяцев и состоять из теоретических и практических занятий. В школы принимались юноши с 16 и девушки с 14 лет. Перед этим кандидаты должны были окончить всеобщую школу [15, с. 238].

План создания школ был рассчитан на 20 лет, к 1940 году планировалось, что в каждом повате будут существовать две народные сельскохозяйственные школы.

Но необходимо отметить, что с самого начала система народных сельскохозяйственных школ имела ряд недостатков. Например, программа обучения была чересчур велика, чтобы освоить ее за 11 месяцев. Так, на общеобразовательные предметы в мужской школе отводилось 522 часа, а на специальные – 579 часов, в женской – соответственно 605 и 567 часов. Кроме того, ученики должны были поддерживать порядок в интернате, работать на подсобном хозяйстве и в столовой. Усвоить весь предусмотренный материал было очень тяжело, особенно если учитывать низкий уровень общей подготовки учеников [16, с. 141]. Еще одним недостатком была высокая стоимость содержания школы, поскольку приходилось содержать интернат, подсобное хозяйство, оплачивать работу учителей.

На момент издания закона во II Речи Посполитой уже существовали 52 такие школы (1182 ученика). До 1931 года их количество выросло до 128 (5238 учеников). Но в связи с экономическим кризисом этот рост остановился. Основную массу школ составляли школы, созданные местным самоуправлением – 68,3 % мужских и 52,5 % женских. Частными являлись 15,2 % мужских и 32,5 % женских, государственными – 16,5 % мужских и 15 % женских. При этом государственные школы создавались в основном на территории Западной Беларуси и Западной Украины [16, с. 140]. Это было вызвано как низким уровнем сельского хозяйства, так и низким уровнем жизни населения, а общественные структуры были довольно слабыми.

В июле 1932 года народные сельскохозяйственные школы были подчинены Министерству религиозных вероисповеданий и общественного просвещения. Были предприняты попытки провести их реорганизацию. Строительство школ шло без какого-либо плана. Школы появлялись только в тех поватах, где для этого были условия. Как отмечают польские исследователи, наиболее тяжелым было положение в восточных воеводствах II Речи Посполитой [16, с. 149]. К 1939 году количество сельскохозяйственных школ достигло 173 (95 мужских и 78 женских). Если учитывать, что до 1940 года планировалось создать как минимум 482 школы, то необходимо признать, что закон 1920 года не был реализован. Но даже при самых лучших условиях народные сельскохозяйственные школы смогли бы охватить только 10 % сельской молодежи [16, с. 182].

Что касается непосредственно Западной Беларуси, то тут положение было одним из самых плачевных. Это хорошо видно на примере сельскохозяйственных школ, которые действовали на территории Виленского учебного округа. В данный округ входили Виленское воеводство (8 сельских поватов), Новогрудское воеводство (8 поватов) и 4 повата Белостокского воеводства. Количество сельского населения на этой территории составляло около 2 356 тыс. человек. К середине 1930-х годов на 20 поватов школьного округа приходилось 13 народных сельскохозяйственных школ (8 мужских и 5 женских). Ежегодно они могли выпустить более 500 человек. При этом известно, что на территории округа ежегодно родительские хозяйства перенимали около 20 000 молодых крестьян. Таким образом, существовавшие школы могли обеспечить подготовку только 0,5 % этих сил [17, с. 2].

Ситуация на территории Полесского воеводства была не лучшей. Там в середине 1930-х годов на 10 поватов приходилось 6 народных сельскохозяйственных школ [18, с. 10].

То, что план создания сети народных сельскохозяйственных школ провалился, было понятно уже в 1920-х годах. Поэтому начались поиски иного решения проблемы распространения сельскохозяйственного просвещения. Естественным выходом виделось укоренение внешкольной аграрно-просветительской работы. Возникла идея развернуть на базе молодежных организаций плановую и систематическую работу в сфере внешкольного профессионального просвещения в виде сельскохозяйственных конкурсов.

Первый проект проведения таких конкурсов был предложен в июне 1925 года Центральным союзом сельской молодежи (ЦССМ). В начале 1926 года сельскохозяйственные конкурсы прошли в отдельных поватах. Министерство сельского хозяйства признало эту деятельность целесообразной для повышения земледельческой культуры. Был создан специальный распорядительный орган, который должен был руководить подобной деятельностью других молодежных организаций. В 1928 году руководителем сельскохозяйственной просветительской работы всех молодежных организаций стал профессор Ю. Микуловский-Поморский. Именно он ввел термин «сельскохозяйственная подготовка» относительно конкурсов. С 1928 года СП стала важной частью деревенского молодежного движения. До конца межвоенного периода количество юношей и девушек, которые получали знания в коллективах СП, достигло 100 000 человек, приблизительно столько, сколько хозяйств ежегодно перенимало молодое поколение земледельцев [16, с. 185].

Обычно один коллектив СП, созданный при какой-нибудь молодежной организации, объединял до 15 человек в возрасте 15 – 20 лет. Коллектив выбирал тему для своей работы в сфере земледелия или животноводства. Профессиональную помощь коллективам СП оказывали инструкторы сельскохозяйственных организаций. В сентябре и октябре обычно проходили выставки коллективов СП. Лучшие из них получали награды, в том числе и стипендии для учебы в сельскохозяйственных школах. Работа в СП была рассчитана на три года или три ступени. Согласно правилам первый год коллектив занимался земледелием, второй – животноводством, третий – всем хозяйством. Считалось, что три ступени СП должны дать всестороннюю подготовку для работы в сельском хозяйстве [19, с. 544].

В межвоенный период СП была единственной формой сельскохозяйственного просвещения, которая создавала потенциальные возможности для широкого распространения профессиональных знаний среди крестьянства. Уровень сельскохозяйственных знаний свидетельствовал, что СП была полноценным дополнением сельскохозяйственных школ. При этом она обеспечивала подготовку большого количества молодежи за небольшую стоимость. Ежегодная цена обучения одного участника СП составляла примерно 30 злотых, в то время как цена обучения в сельскохозяйственной школе была в 20 – 30 раз выше [16, с. 186].

Следует отметить, что власти, как и в случае с проведением ВП, понимали необходимость координации усилий в сфере работы с молодыми крестьянами. Но неотложные политические и экономические проблемы мешали «санации» решить этот вопрос. Только в начале 1932 года произошло создание Центрального комитета по делам сельской молодежи. Он был организован по инициативе чиновников Министерства сельского хозяйства, Министерства религиозных вероисповеданий и общественного просвещения и Министерства внутренних дел для «гармонизации» их деятельности в области сельскохозяйственного обучения, гражданского воспитания, просвещения – направлений, которые вели к «повышению хозяйственного, общественного и культурного уровня жизни деревни». Вместе с представителями властей, делегатом Государственного управления физического воспитания и военной подготовки, специалистами по земледелию в состав комитета вошли и представители отдельных союзов сельской молодежи. На места имелись воеводские и поватовые филиалы комитета. Задачами данной структуры являлись: разработка новых методов в сфере культурно-просветительской деятельности, гражданского воспитания, военной подготовки, подготовка соответствующих специалистов, издательская деятельность, рациональное распределение финансовых средств [20, с. 74 – 75]. Именно Центральный комитет по делам сельской молодежи осуществлял верховное руководство акцией СП. Во второй половине 1930-х годов подобные функции должен был исполнять Комитет по делам культуры деревни, который был создан в сентябре 1936 года приказом Совета министров [21, с. 154].

Также необходимо отметить, что ряд мероприятий был проведен «санационным» режимом в сфере борьбы с молодежной безработицей. Данная проблема стояла довольно остро. На городских биржах труда было зарегистрировано только несколько тысяч молодых безработных, но эти данные не соответствовали действительности. В большинстве случаев молодежь не могла зарегистрироваться, поскольку не имела никакого трудового стажа [22, с. 215].

Проблему занятости молодежи пытались решить при помощи «лагерей труда». Эта практика была подобна на практику западных стран, где безработных привлекали к участию в общественных работах. В «лагерях труда» 6 часов в сутки юноши были заняты на общественных работах, 2 часа посвящались обучению, практическим курсам, военной подготовке. Кроме того, молодые люди получали небольшую плату. Власти считали, что «главным при проведении акции занятости должно стать воспитание и профессиональная подготовка к будущей самостоятельной жизни» [22, с. 225 – 226].

Первоначально всей этой акцией руководило специальное бюро занятости молодежи при Фонде труда. При этом в борьбе с безработицей активно участвовали не только государственные структуры, но и общественные организации, в том числе и молодежные союзы. В первую очередь это касалось подготовки руководства и инструкторов для «лагерей труда». Этому вопросу придавалось особое значение, поскольку многочисленные недостатки в деятельности лагерей для молодых безработных объяснялись именно отсутствием надлежащего отбора руководства.

В 1935 году министр социальной опеки Губицкий заявлял, что акцией «лагерей труда» охвачено 20 000 человек – до 80 % безработной молодежи. Эта молодежь в основном занималась строительством дорог и мелиорацией. При этом министр отмечал «снижение уровня молодежи», ее «испорченность». Именно с этим он связывал факты несоблюдения субординации в лагерях и даже нападения на их руководителей. Одновременно он указывал и на подрывное влияние, направленное на срыв акции «лагерей труда» [23, л. 246 – 247].

Наперекор существованию напряженного положения в «лагерях труда», власти стремились сохранить их. Секретный отчет отдела безопасности МВД (апрель 1936 г.) признавал факты «многочисленных и серьезных авантур, и даже преступлений» и объяснял их склонностью молодежи к авантюрам и отрицательным влиянием кризиса и безработицы, однако высказывался за сохранение юношеских лагерей в качестве воспитательных центров [22, с. 226].

Для решения проблемы власти передали «лагеря труда» под руководство военных. В связи с этим в сентябре 1936 года был издан специальный декрет президента II Речи Посполитой «О службе труда молодежи». Молодежные «лагеря труда» превращались в юношеские отряды труда. Они должны были нести так называемую трудовую службу молодежи, которая была объявлена почетной службой нации и государству. Эта служба состояла в «исполнении физической работы на нужды обороноспособности Государства или ее экономических интересов». Юношеские отряды труда также обеспечивали подготовку молодежи к военной службе и приобретение профессии, гражданское воспитание и общее развитие [24, с. 1173]. Таким образом, основные функции прежних «лагерей труда» сохранялись.

Юношеские отряды труда подчинялись военному министру. Для этого при нем создавался Совет службы труда, в который входили представители министерств военных дел, социальной опеки, внутренних дел, сельского хозяйства и аграрных реформ, промышленности и торговли, религиозных вероисповеданий и общественного просвещения. Совет был совещательным органом по вопросам образовательной и воспитательной программы юношеских отрядов труда.

Отряды возглавляли коменданты, которые назначались военным министром из числа офицеров. Руководящий, инструкторский и административный персонал состоял из солдат действительной службы, а также из гражданских функционеров. Материальное обеспечение отрядов поручалось Фонду труда и Министерству военных дел.

Согласно президентскому декрету в отряды могли записывать безработную молодежь обоих полов в возрасте 18 – 20 лет. Служба продолжалась 2 года. На это время члены отрядов получали жилье, обмундирование и обеспечение согласно нормам, принятым военным министерством по согласованию с министром социальной опеки. В зависимости от существовавших условий, успехов на службе и в обучении члены отрядов получали служебное звание, соответствовавшее их квалификации.

Декрет предусматривал и систему льгот. Юноши, которые находились в отряде как минимум 12 месяцев, получали возможность пользоваться льготами при прохождении обязательной военной службы. Члены отрядов имели право на медицинскую помощь как солдаты обязательной службы. В случае потери трудоспособности, инвалидности или смерти служба в отряде рассматривалась как обязательная военная служба [24, с. 1174].

Как уже отмечалось, в «лагерях труда» была достаточно напряженная ситуация с дисциплиной. Декрет предусмотрел этот момент. За нарушение дисциплины полагался ряд наказаний: выговор, внеочередной наряд, запрет оставлять отряд на срок до 14 дней, арест на 3 суток, понижение в звании, отчисление из юношеского отряда труда [24, с. 1174].

В 1936 году численность членов юношеских отрядов труда достигла 11 000 человек, распределенных по 18 батальонам. Молодые безработные привлекались для решения задач по укреплению обороноспособности польского государства. Так, кроме строительства дорог, регулирования и осушения рек, чем ранее занимались и «лагеря труда», члены юношеских отрядов участвовали в строительстве и ремонте разного рода военных объектов [14, с. 722].

Как было заявлено в одном из пропагандистских материалов, «молодежь юношеских отрядов труда – авангард армии труда, который будет прокладывать путь к лучшему будущему... Юноши совместным усилием молодых рук построят фундамент мощного здания Польского Государства и в почетной службе труда подготовят к борьбе за существование, увеличат ряды достойных и творческих граждан страны» [25, с. 379].

Заключение. Подводя итоги, можно выделить несколько главных практических направлений молодежной политики, проводившейся польскими властями в межвоенный период. *Во-первых*, во II Речи Посполитой велась значительная работа по военной подготовке молодого поколения в рамках концепции «нации под ружьем». Целями этой концепции было повышение обороноспособности государства и патриотическое воспитание молодежи. Акция ВП активизировалась в период правления «санации», которая стремилась объединить общество во имя защиты страны. В ее реализации участвовали как государственные структуры (армия и школа), так и многочисленные проправительственные общественные объединения. Необходимо подчеркнуть, что усилия властей и общества не смогли в дальнейшем предотвратить ликвидацию польской государственности. Но, тем не менее, они оказали на молодежь значительное влияние, которое следует по-разному оценивать на этнически польских территориях II Речи Посполитой и на ее восточных окраинах. *Вторым важным направлением* официальной молодежной политики стала подготовка молодого поколения, в первую очередь молодых крестьян, к будущей трудовой деятельности. В данной сфере после провала мероприятий по развитию сети народных сельскохозяйственных школ главный упор стал делаться на конкурсную акцию СП. В результате в межвоенный период СП стала формой сельскохозяйственного просвещения, которая создавала потенциальные возможности для широкого распространения профессиональных знаний среди крестьянства. Уровень сельскохозяйственных знаний свидетельствовал, что СП была полноценным дополнением сельскохозяйственных школ. При этом она обеспечивала подготовку большого количества молодежи за небольшую стоимость. *В-третьих*, «санационный» режим провел ряд мероприятий по решению проблемы трудовой занятости молодого поколения, борьбы с молодежной безработицей. Именно в рамках этого направления развивалась акция по созданию сначала «лагерей труда», а затем военизированных юношеских отрядов труда. Помимо всего прочего, власти при помощи этих структур не только боролись с безработицей и последствиями экономического кризиса, но и пытались реализовать такие компоненты своей молодежной политики, как гражданское воспитание и военное обучение молодых граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kulesza, W. Koncepcje ideowo-polityczne obozu rządzącego w Polsce w latach 1926 – 1935 / W. Kulesza. – Wrocław: Ossolineum, 1985. – 311 s.
2. Starzyński, R. Przysposobienie wojskowe narodu pod bronią / R. Starzyński // Bellona. – 1927. – T. XXV. – S. 42 – 59.
3. Kęsik, J. Naród pod bronią. Społeczeństwo w programie polskiej polityki wojskowej 1918 – 1939 / J. Kęsik. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1998. – 200 s.
4. Wywiał, P. Związek Strzelecki w tworzeniu bezpieczeństwa narodowego Polski. Tradycja i wyzwania XXI wieku / P. Wywiał. – Łódź, 2009. – 175 s.
5. Rozporządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego i Ministra Spraw Wojskowych w sprawie Organizacji Przysposobienia Wojskowego w Szkolach Średnich i Zawodowych // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1923. – № 1. – S. 2 – 5.
6. Kiliński, W. Wpływ Państwa na organizację i rozwój wychowania fizycznego i przysposobienia wojskowego / W. Kiliński // Zrąb. – 1931. – T. 6 – 7. – S. 117 – 128.
7. Jabłonowski, M. Wychowanie fizyczne i przysposobienie wojskowe w opiniach Józefa Piłsudskiego 1926 – 1935 (wybrane zagadnienia) / M. Jabłonowski // Echa Przeszłości VI. – Olsztyn, 2005. – S. 107 – 118.
8. Kaszyba, E. Sistem propagandy państwowej II Rzeczypospolitej (1926–1939) / E. Kaszyba // Dzieje Najnowsze. – 2003. – № 3. – S. 3 – 26.
9. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 28 stycznia 1927 r. w sprawie utworzenia Państwowego Urzędu Wychowania Fizycznego i Przysposobienia Wojskowego, Rady Naukowej Wychowania Fizycznego oraz Wojewódzkich, Powiatowych i Miejskich Komitetów Wychowania Fizycznego i Przysposobienia Wojskowego // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1927. – № 3. – S. 82 – 85.

10. Rozporządzenie Ministra Spraw Wojskowych w porozumieniu z Ministrem Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego oraz Ministrem Spraw Wewnętrznych z dnia 21 marca 1927 r. co do wykonania § 3 Rozporządzenia Rady Ministrów z dnia 28 stycznia 1927 r. w sprawie utworzenia Państwowego Urzędu Wychowania Fizycznego i Przysposobienia Wojskowego, Rady Naukowej Wychowania Fizycznego oraz Wojewódzkich, Powiatowych i Miejskich Komitetów Wychowania Fizycznego i Przysposobienia Wojskowego // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1927. – № 6. – S. 164 – 166.
11. Zarządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego i Ministra Spraw Wojskowych z dnia 4 lutego 1931 r. w sprawie organizacji przysposobienia wojskowego w szkołach średnich ogólnokształcących, seminarjach nauczycielskich i szkołach zawodowych // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1931. – № 3. – S. 86 – 91.
12. Rozporządzenie Ministra Spraw Wojskowych z dnia 29 czerwca 1935 r. w sprawie ulg w wykonywaniu obowiązku służby wojskowej dla członków organizacji przysposobienia wojskowego // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1935. – № 54. – S. 912 – 917.
13. Zarządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego oraz Ministra Spraw Wojskowych z dnia 10 września 1937 r. w sprawie organizacji przysposobienia młodzieży szkolnej do obrony kraju // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1937. – № 12. – S. 439 – 441.
14. Zarys dziejów wojskowości polskiej w latach 1864 – 1939 / P. Stawecki [i in.]; red. naukowy P. Stawecki. – Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1990. – 960 s.
15. Ustawa z dnia 9 lipca 1920 r. o ludowych szkołach rolniczych // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1920. – № 20. – S. 237 – 240.
16. Wieczorek, T. Historia szkolnictwa rolniczego w Polsce / T. Wieczorek. – Warszawa: Skrypty szkoły głównej gospodarstwa wiejskiego Akademii Rolniczej w Warszawie, 1980. – 288 s.
17. Wychowankowie szkół rolniczych o swojej pracy, życiu i dążeniach w okręgu szkolnym Wileńskim / S. Łukaszewicz [i in.]; red. S. Łukaszewicz. – Warszawa, 1937. – 122 s.
18. Rühle, E. Ziemie Wschodnie w cyfrach i kartogramach / E. Rühle // Rocznik Ziem Wschodnich, 1938. – Warszawa, 1938. – S. 5 – 21.
19. J. K., Co to jest P.R.? / J. K. // Żołnierz Polski. – 1936. – № 26. – S. 544.
20. Pruszkowski, A. Przewodnik społeczny / A. Pruszkowski. – Warszawa, 1934. – 292 s.
21. Jamrożek, W. Edukacja a ruch młodochłopski Drugiej Rzeczypospolitej / W. Jamrożek. – Acta universitatis Lodzensis. Folia paedagogica et psychologica. – 1992. – T. 29. – S. 147 – 162.
22. Drozdowski, M. Bezrobocie w Polsce w latach 1925 – 1936 / M. Drozdowski // Najnowsze dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914 – 1939. – 1961. – T. IV. – S. 211 – 238.
23. НАРБ. – Фонд 242 п. Представительство ЦК КПЗБ. – Оп. 1. – Д. 483.
24. Dekret Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 22 września 1936 r. o służbie pracy młodzieży // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1936. – № 72. – S. 1173 – 1174.
25. F.Z. Junackie hufce pracy / F.Z. // Wiarus. – 1937. – № 16. – S. 378 – 379.

Поступила 07.05.2013

MAIN AREAS OF YOUTH POLICY OF POLISH AUTHORITIES IN THE INTERWAR PERIOD

V. KRIVUT

For the first time in modern Belarusian historiography the main areas of youth policy of the Polish authorities in the interwar period are outlined. The goals, content and conduct of official events in the field of military training, civic education and non-formal vocational training of young generation of interwar Polish state revealed. Also the work of the Polish authorities in the fight against youth unemployment is examined. The legal basis of official youth policy, and the place and role in the implementation of various government and public institutions – the armed forces, schools, local authorities, youth organizations and associations are analyzed.